

*Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 123—130.*

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 1. P. 123—130.

Научная статья

УДК 271.2(091)(571.1)“16/19”

DOI: 10.46726/И.2022.1.12

О ГОСУДАРСТВЕННОМ СЛУЖЕНИИ ДУХОВЕНСТВА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (На материалах Енисейской губернии)

Елена Александровна Шушканова

Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика
М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия, shushkanovae@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается место православного духовенства в служилой системе российского государства со времени ее оформления в XV в. В процессе дальнейшего исторического развития служилая система трансформировалась в сторону ослабления государственного подданства сословий. Однако по мере постепенного демонтажа феодальной модели прикрепления всех сословий и классов к обязательной государственной службе статус духовенства в России принципиально не менялся. Указанный феномен социальных отношений описывается на материалах Енисейской губернии второй половины XIX в. Учитывая преимущественно аграрный тип хозяйства Сибири, главное внимание в исследовании уделено сельским приходам. На основании архивных материалов определяются основные функции сельских приходов Русской православной церкви в несении государственной службы, оценивается роль духовенства в реализации общественных задач: государственного делопроизводства, просвещения, образования, воспитания, охраны общественного порядка и пр. Политика встраивания духовенства в систему государственных институтов создавала не только серьезные проблемы внутри духовной корпорации, но и осложняла взаимодействие институтов власти и церкви. Внутри самой Церкви развивались революционные настроения, которые выразились в будущем в поддержке Февраля 1917 г. и широком движении обновленчества.

Ключевые слова: Енисейская губерния, служилая система, крепостное право, духовенство, революция

Для цитирования: Шушканова Е.А. О государственном служении духовенства Русской православной церкви: (на материалах Енисейской губернии) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 1. С. 123—130.

Original article

ON THE STATE SERVICE OF THE CLERGY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH (Based on the materials of the Yenisei province)

Elena A. Shushkanova

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Krasnoyarsk, Russian Federation, shushkanovae@yandex.ru

Abstract. The place of the Orthodox clergy in the service system of the Russian state since its formation in the XV century is considered. In the process of further historical development, the service system was transformed towards the weakening of the state citizenship of the estates. However, with the gradual dismantling of the feudal model of attaching all estates and classes to compulsory public service, the status of the clergy in Russia did not fundamentally change. This phenomenon of social relations is described on the materials of the Yenisei province of the second half of the XIX century. Taking into account the predominantly agrarian type of economy in Siberia, the main attention in the study is paid to rural parishes. Based on archival materials, the main functions of rural parishes of the Russian Orthodox Church in the performance of public service are determined, the role of the clergy in the implementation of public tasks is assessed: state record keeping, education, public order protection, etc. The policy of embedding the clergy in the system of state institutions created not only serious problems within the spiritual corporation, but also complicated the interaction of government institutions and the church. Revolutionary sentiments developed within the Church itself, which were expressed in the future in support of February 1917 and the broad movement of Renovationism.

Key words: the Yenisei province, service system, serfdom, the clergy, the revolution

For citation: Shushkanova E.A. On the State service of the clergy of the Russian Orthodox Church: (Based on the materials Yenisei province), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 1, pp. 123—130.

Одной из фундаментальных опор российской государственности являлась служилая система. Механизм ее действия традиционно рассматривается на примере дворянства, которое владело землей исключительно на условии пожизненной службы государству. Служба носила преимущественно военный характер (ратная служба), только одна треть представителей каждой дворянской фамилии направлялась на службу административную (приказную). Кроме того, на дворян возлагались задачи управления крестьянами, которые прикреплялись к служебному наделу: сбор податей, суд, помощь в случае неурожая и прочее. Именно служилая система с XV в. превращала дворянство в элиту российского общества, постепенно нивелируя политическое доминирование боярства.

Бояре-вотчинники в плане поземельных отношений имели больше прав: в отличие от поместного дворянства, землями они могли распоряжаться вольно (передавать по наследству, продавать, обменивать). Однако и бояре со временем стали именоваться государевыми холопами, что означало, по словам В. О. Ключевского, статус вечнообязанных подданных. Кроме того, шел процесс стирания различий между вотчиной и поместьем, который завершился известным указом Петра I о единонаследии. Особо следует отметить,

что власть могла переселять служилых людей независимо от социального статуса, с одних земель на другие: так при Иване III московские дворяне испомещались в новгородских землях в целях контроля над мятежным севером. При Иване IV переселение широко распространялось уже на бояр. Продолжалась данная практика и в XVIII в.: при Петре I дворяне переселялись в новую столицу и ее окрестности. Право свободного перемещения за границу (причем только элиты) появилось лишь при Екатерине II.

Наиболее явно связь служилой системы с прикреплением к месту жительства заметна в статусе крестьянства. К концу XVI в. крепостной режим для крестьян утвердился, хотя первоначально ограничение на свободу передвижения касалось не всех членов семьи. Крестьяне, делегируя воинскую службу дворянству, должны были предоставить помещику в качестве компенсации свою трудовую, земледельческую службу. Не остались в стороне от служилой системы и посадские люди, которые прикреплялись либо к городу, либо к посадской общине. Посадский не только не мог изменить место жительства без санкции власти, но даже сменить профессию. На посадских (примерно четверть взрослых душ мужского пола) возлагались «казенные службы»: сбор налогов, переписи, полицейская служба.

Что касается духовенства, то в его состоянии также присутствовали черты государственного закрепощения. По Соборному Уложению 1649 г. духовенство подчинялось Монастырскому приказу — ведомству светскому. Были ограничены имущественные (земельные) права церковью и монастырями. Вводился также запрет на свободный переход из одного прихода в другой, а выборы священников прихожанами упразднялись. Кроме того, в плане личных свобод черное и белое духовенство имело множество ограничений: не могло заниматься торговлей и промышленной деятельностью, выступать поручителями при заключении сделок, посещать театр и пр.

Таким образом, служба государству со временем приобретала всеобщный характер. Власть разверстывала государственные обязанности по всем сословиям и классам. В.О. Ключевский использовал в связи с этим термин «государственное прикрепление сословий», отмечая, что в Московском государстве личное гражданское подданство постепенно трансформировалось в подданство государственное [Ключевский: 95]. Известный специалист по социальной истории России Б.Н. Миронов говорит в этой связи о «всеобщности крепостничества» [Миронов: 96].

Система «всеобщности крепостничества» начала ослабевать и разрушаться в XVIII в., когда дворянство, купечество и часть горожан стали обретать вольности. Важным событием стал манифест Петра III от 18 февраля 1762 г., который освободил дворян от обязательной службы. Единственным ограничением для дворянства было то, что отставка от службы не предоставлялась в ходе военной кампании и за три месяца до нее, в мирное время послабление не распространялось на тех, кто, не имея обер-офицерского чина, не выслужил в войсках 12 лет. Через три года при Екатерине II данные свободы расширились: отменялись телесные наказания, дворяне могли свободно выезжать за границу и получили самоуправление. Но главное, служебный надел превращался в полную частную собственность помещика. Причем параллельно с освобождением дворянства шло перераспределение государственных повинностей на крестьянство: именно тогда крепостное право приобрело отталкивающие черты рабства. Так продолжалось до начала XIX в., когда власть,

встречая сильное противодействие дворянства, начала постепенную ликвидацию крепостной системы уже в отношении частновладельческих крестьян.

Однако либерализация социальных отношений, которая противоречиво и неспешно происходила в течение XIX — начала XX в., не затрагивала статуса духовенства. Напротив, начиная с синодального периода, государственные обязанности духовенства неуклонно росли. И далее, по мере формирования бессловного общества, духовенство по-прежнему воспринималось властью в качестве вечнообязанных подданных. Особенно это заметно на примере сибирского духовенства, принимая во внимание определенные региональные факторы. Во-первых, за Уралом почти не было дворянства, а потому существовал заметный дефицит управленческих кадров, который власть компенсировала трудом священников. Во-вторых, в Сибири крестьянская община обладала большей независимостью, а земское самоуправление не получило развития. Поэтому власть использовала духовенство в качестве посредника между собой и локальными сообществами. В-третьих, духовенство идеально подходило для этой роли: имело высокий уровень образования, плотную систему территориального размещения в рамках епархии и, что немаловажно, находилось в жестких границах церковной дисциплины. Наконец, в силу идеи христианской аскезы, оно априори воспринималось готовым к государственной службе, причем безвозмездной.

Степень загруженности священников функциями, которые можно прямо или косвенно отнести к общегосударственным, демонстрирует, в частности, церковное делопроизводство. Объем канцелярской работы на приходах поражает многообразием. В первую очередь, в задачи священника входило ведение метрических книг, которые были в России единственным документом, регистрирующим акты гражданского состояния населения: рождения, браки и смерти. Практика ведения церковных метрических книг началась в России во второй половине XVII в. и прекратилась только в 1918 г., когда советская власть отделила Церковь от государства. Метрические книги существовали в двух экземплярах: первый хранился в церкви, а второй в виде копии отсылался в Духовную консисторию.

Поскольку регистрация актов гражданского состояния производилась на приходах, к ним часто обращались за необходимыми в правовой практике справками и выписками. Современный церковный историк А.Л. Беглов справедливо обращает внимание, что помимо того, что «переписка со сторонними учреждениями занимала массу времени», она «унижала достоинство пастыря, поскольку служащие этих учреждений относились к нему как к мелкому канцелярскому служащему, обязанному отвечать на их запросы» [Беглов].

Близкими к метрическим книгам по значению были журналы брачных обысков. Это письменный акт, который составлял священник в отношении намеревающихся венчаться в церкви, устанавливающий законность совершения брака. Брачных обысков сохранилось меньше, чем метрических книг, поскольку последние отправлялись в Консисторию, а обыски оставались на приходе. Потому, когда началось закрытие сельских храмов, многие обыски были уничтожены. Составить представление о примерной статистике этих документов на приходе можно на примере изучения сохранившейся книги брачных обысков церкви Святой Параскевы в с. Барабановское Красноярского уезда. В период с апреля 1855 г. по апрель 1859 г. было составлено 67 обысков [Шушканова, 2019: 37].

Важнейшим документом церковного делопроизводства были клировые ведомости — документ о состоянии прихода, который составлялся ежегодно.

В ранний период истории ведомости целиком писались от руки, затем появились специальные бланки, форма которых усложнялась год от года. Следующим документом, который систематически велся на приходе, были исповедные росписи. Они представляли собой посемейный список всех проживающих на территории прихода (за исключением младенцев менее года) с указанием сведений о посещении ими исповеди и Причастия. Исповедные росписи на приходе заполнялись в Великий пост, когда даже нерадивый христианин стремился исповедоваться и причаститься. Кроме перечисленной, велась на приходах и другая отчетность: богослужебный журнал, финансово-хозяйственная документация, церковные летописи. Все эти документы подлежали систематической ревизии высших церковных властей: благочинных и самих епископов, совершавших регулярные объезды епархии.

Выражением социального служения духовенства была образовательно-просветительская деятельность и школьное дело. В дореволюционной России, в особенности за Уралом, сельские приходы оставались, в сущности, единственным местом, где можно было получить начальное образование. С каждым годом школьная деятельность в сибирских епархиях только расширялась. Расходы на ее содержание должны были оплачивать прихожане, вместе с податями в волостное правление собирались деньги на школу. Но если из-за неурожая хлеба случались проблемы с финансированием церковно-приходской школы, деньги выделял училищный совет Енисейской епархии. В епархии строго следили за тем, чтобы сельские приходские школы ни в коем случае не закрывались. Заведующим церковно-приходской школой назначался штатный приходской священник. При этом батюшки обычно и сами учительствовали, причем преимущественно бесплатно.

Следует отметить, что все сельские храмы имели библиотеки, в которых были не только книги духовного содержания. Епархиальные власти настоятельно советовали сельскому духовенству оформлять подписки на периодические издания, посвященные нуждам сельского хозяйства. Например, журнал «Сельский вестник», в котором публиковались материалы по агротехнике, пчеловодству, животноводству и пр. А в 1897 г. все приходы под административным нажимом выписали журнал «Царствующий дом Романовых» за немалую по тому времени сумму в 12 руб. 28 коп. [Шушканова, 2019: 76].

Важной областью приложения знаний и энергии священнослужителей было народное здравоохранение. При Екатерине II в XVIII в. в России стали делать прививки от оспы, на духовенство возлагалась задача участия в оспопрививании. Для этого в духовных семинариях в курсе популярной медицины отдельно читался раздел о прививках против оспы. На священников возлагалась также обязанность сообщать народу о пользе прививок и бороться с разного рода предрассудками по этому поводу. А во Врачебном уставе 1857 г. прямо была зафиксирована обязанность духовенства участвовать в работе оспенных комиссий.

Впоследствии из учебных программ семинарий медицину исключили, но интерес к использованию священника в качестве охранителя здоровья в деревне сохранился. В марте 1881 г., когда Синод возглавлял обер-прокурор К.П. Победоносцев, во все епархии был разослан циркуляр за № 3992, в котором глава духовного ведомства потребовал предоставить сведения о медицинской деятельности духовенства, назвав ее «заслуживающей всякого внимания, поощрения и поддержки» [Кузнецов]. О том, что сельские батюшки следили за общим состоянием здоровья своих прихожан, говорят нам

многочисленные отчеты благочинных. В 1871 г. благочинный Красноярского уезда писал, что «об оспопрививании было внушаемо прихожанам и заразившихся соленую рыбою в минувших полгода не было» [ГАКК: ф. 674, оп. 1, д. 7518, л. 895]. Благочинные также отмечали, что священники лечат прихожан, используя травы, настои, отвары, компрессы, примочки.

Другая немаловажная функция священника в сельской глубинке — информационная. Обычно после окончания богослужения священник знакомил народ с указами и манифестами, с новостями в стране и за ее пределами, давал оценки и комментарии по важным вопросам общественной жизни. Информационные сводки присылались на приходы от епархиальных властей чаще всего отпечатанными типографским способом с письменным указанием огласить новость прихожанам и в последующем дать отчет о результатах. Изучение сводок показывает, что Церковь воспринималась действующей властью как рупор государственной политики.

Трудно переоценить роль духовенства в сфере нравственного воспитания народа. Однако она нередко выходила за рамки пастырского служения и не ограничивалась богослужебной практикой, просветительством или воспитательными беседами. В функции сельских священников входили прямые обязанности по наблюдению за общественным порядком. В 1859 г. поступила записка от клира Параскевской церкви в волостное правление о произошедшем в доме крестьянина села Барабановского ночном гулянии с шумом и плясками на праздник Святого пророка Илии. В записке были указаны имена участников происшествия, а также сообщалось о взыскании с них «за сделанные бесчинства в ночи» по 25 копеек серебром и устным внушении [ГАКК: ф. 237, оп. 1, д. 1, л. 286]. Деньги при этом поступали не в церковную кассу, а отправлялись в пользу губернского приказа общественного призрения. В 1913 г. благочинный 3 участка Красноярского уезда направил подотчетным ему причтам предписание о необходимости сообщать разного рода сведения для борьбы с хулиганством: насколько часты случаи хулиганства в приходах, какими причинами их можно объяснить, какие меры по укреплению нравов принимаются и т.д. [ГАКК: ф. 237, оп. 1, д. 65, л. 32]. Священникам также вменялось обязательное присутствие на заседаниях судов.

Государственное служение Церкви не только не ослабевало со временем, но год от года от власти поступали новые запросы на курирование государственных проектов: борьба с пьянством, популяризация кредитных обществ, забота о столыпинских переселенцах и пр.

Итак, на фоне разложения сословности и расширения гражданских свобод во второй половине XIX в. и особенно после первой русской революции социальный статус духовенства менее всего подвергся переменам. Во-первых, по-прежнему церковнослужители были ограничены в свободе передвижения и священник не мог покинуть приход без санкции церковного начальства. Например, в 1895 г. енисейский епископ Акакий издал циркуляр, по которому без ведома благочинного сельский священник не мог отлучаться из прихода далее чем на 25 верст. В случае поездки по епархиальным делам в Красноярск, следовало получить разрешение церковных властей, а по прибытии в город непременно записаться в книгу канцелярии Консистории [ГАКК: ф. 237, оп. 1, д. 38, л. 38]. Во-вторых, служебные функции духовенства расширялись «сверху», а материальное обеспечение рядового духовенства при этом росло крайне незначительно.

Наравне с безусловными плюсами государственного служения духовенства, с точки зрения макросоциальных процессов, мы оцениваем указанную тенденцию, как непродуктивную и для Церкви, и для общества. В общественном сознании власть государственная и церковная уже не отделялись друг от друга, а воспринимались как органическое целое. Недовольство властью, которое в целом можно воспринимать как устойчивый тренд с 1905 г. (за исключением начала Первой мировой войны), переносилось на духовенство. Достаточно почитать материалы региональных съездов духовенства, чтобы понять, насколько падал авторитет церковнослужителей. В 1916 г. ректор Красноярской духовной семинарии Кирилл на епархиальном пастырском собрании сказал: «Пастырство не только не пользуется авторитетом среди народа, но этот самый народ почему-то враждебен пастырям... Священник, находясь в толпе, всегда может ожидать, что его оскорбят, бросят ему в лицо какую-либо грубую шутку, презрительную фразу, плевков. Не нужно скрывать от себя этой печальной истины, нужно установить причины этой непонятной враждебности» [Енисейские епархиальные ведомости: 32].

Нарастали проблемы и в самой церковной корпорации. К примеру, семинаристы не стремились к пастырству. В 1908 г. Енисейскую духовную семинарию окончили 16 человек, из них 6 уехали учиться в академию, 9 человек пошли учительствовать и лишь один стал служить священником [Красноярск: 1]. Кроме того, как показала уже первая русская революция, духовенство тяготилось государственной зависимостью и стремилось освободиться от нее. Пламенный революционер и атеист В.И. Ленин замечал за духовенством сочувствие революционным идеям и писал в 1905 г.: «Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы» [Ленин: 144]. Отношение духовенства ко второй русской революции 1917 г. только подтвердило тезис Ленина. Моральная поддержка большинства православного священства Февральской революции — доказанный факт. В том числе на материалах Енисейской епархии [Шушканова, 2014]. И обновленческое движение в Русской православной церкви в огромной степени проистекало от неравноправия социального статуса духовенства в российском обществе: процесс освобождения социума от феодальной системы всеобщей службы государству затронул его в наименьшей степени.

Список источников

- ГАКК (Государственный архив Красноярского края).
Енисейские епархиальные ведомости. Красноярск, 1916. № 7.
Красноярск. Красноярск. 1908. № 196.

Список литературы / References

- Беглов А.Л. Делопроизводство православного прихода Российской империи в конце XIX — XX в.: социальный аспект // История: электронный научно-образовательный журнал. 2015. № 6 (39). URL: <https://history.jes.su/s207987840001170-6-1/>
(Beglov A.L. Clerical work of the Orthodox parish of the Russian Empire at the end of the XIX — XX century: social aspect, *History: Electronic scientific and educational journal*, 2015, no. 6 (39). URL: <https://history.jes.su/s207987840001170-6-1/> — In Russ.)

- Ключевский В.О. История сословий в России. М., 2019. 217 с.
(Klyuchevsky V.O. History of estates in Russia. Moscow, 2019. 217 p. — In Russ.)
- Кузнецов А.А. Об участии сибирского православного духовенства в решении социальных проблем в пореформенный период // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 17. С. 122—128.
(Kuznetsov A.A. On the participation of the Siberian Orthodox clergy in solving social problems in the post-reform period, *Izvestiya Irkutsk State University, series: Political Science. Religious studies*, 2016, vol. 17, pp. 122—128. — In Russ.)
- Ленин В.И. Социализм и религия // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 12. С. 142—147.
(Lenin V.I. Socialism and religion, in Lenin V.I. Complete works, ed. 5, vol. 12, pp. 142—147. — In Russ.)
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. 458 с.
(Mironov B.N. Social history of Imperial Russia (XVIII — beginning of XX century): in 2 vols, vol. 1, St. Petersburg, 2003, 458 p. — In Russ.)
- Шушканова Е.А. Церковь Святой Параскевы села Барабановское Енисейской губернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX — XX в.). Красноярск, 2019. 138 с.
(Shushkanova E.A. the Church of Agia Paraskevi village Barabanovskaya Yenisei province in the context of Siberian history (second half of the XIX — XX century). Krasnoyarsk, 2019. 138 p. — In Russ.)
- Шушканова Е.А. О кризисе в Русской православной церкви накануне второй российской смуты // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XIII Международной научной конференции, 12—13 марта 2014 г. Иваново, 2014. Ч. 1. С. 285—289.
(Shushkanova E.A. And about the crisis in the Russian Orthodox Church on the eve of the second Russian troubles, *The state, society, Church in the history of Russia of the twentieth century: Materials of the XIII International Scientific Conference*, March 12—13, 2014, pt. 1, Ivanovo, 2014, pp. 285—289. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.12.2021; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 10.12.2021; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Шушканова Елена Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и гуманитарных наук, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск, Россия, shushkanovae@yandex.ru

Shushkanova Elena Aleksandrovna — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department of History and Humanities, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk, Russian Federation, shushkanovae@yandex.ru